

СИРИУС

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

книга 1

Сергей Архипов

Сергей Архипов

**Сириус. Книга 1.
Предопределение**

«Литео»

2017

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Архипов С. А.

Сириус. Книга 1. Предопределение / С. А. Архипов —
«Литео», 2017

ISBN 978-5-00-071800-1

Безмятежная жизнь советского юношества на фоне исторических событий, происходящих в стране. Размышления о добре и зле. Искренняя любовь главных героев Ольги и Сергея, а также их поступки и переживания отражены в этом драматическом повествовании. Незыблемые основы советского строя не давали главным героям ни малейшего сомнения в их дальнейшей жизни. Но судьба решила сыграть злую шутку и внести зловещую коррективу в их беспечную юношескую наивность. Это лишь первая книга в задуманном романе трилогии «Сириус». Большинство героев романа – образы собирательные, выдуманные, а события вымышленные, и если кто-то узнает себя в этих персонажах, то это будет лишь случайным совпадением.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00-071800-1

© Архипов С. А., 2017
© Литео, 2017

Содержание

Вступление	5
1	8
2	13
3	17
4	22
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Александрович Архипов

Сириус Книга 1 Предопределение роман

Вступление

Над ущельем поднимался редкий туман. Мерзкий морозящий дождь затихал. Тишину нарушал лишь шелест мокрых листьев на деревьях, которые густой шапкой окутали склоны гор.

Ирма приоткрыла глаза и бросила взгляд на наручные часы. Приближался полдень. Она плавно и бесшумно перевернулась со спины на живот, бережно взяла снайперскую винтовку и, ловко вложив ее в щель между большими каменными валунами, взглянула в оптический прицел. Узкая извилистая дорога тянулась через ущелье и отлично просматривалась с ее позиции. Недаром они вместе с Мартой, которая была уникальным специалистом по маскировке, потратили не один день для выбора этого места. Ирма перевела взгляд на противоположный склон, ожидая команды напарницы. Та ни одним движением не выдала себя. Только через некоторое время над ее местоположением дернулась ветка дерева, означая сигнал к началу операции. И снова она ничем себя не обнаружила. Со стороны можно было подумать, что взлетела обычная птица. Теперь все зависело от них. Операция была тщательно спланирована, а группа прикрытия находилась невдалеке. Ирма опять перевела взгляд на дорогу и, прильнув к окуляру оптики, расслабилась в ожидании. И побежало время – секунды, минуты, часы. Ее мысли настойчиво возвращались в прошлое, которое неотступно преследовало ее.

Она до сих пор не могла понять, как оказалась здесь, как смогла перенести смерть близкого ей человека и смерть той, которой она была в прошлой жизни. Жуткая, сводящая с ума жажда мести привела ее сюда. Она стала другим человеком с другим именем и уже практически слилась с этой жизнью, участвуя в этой партизанской войне в этом богом забытом краю. Идеологическая подоплека этой войны ее не интересовала, тем более патриотизм местных жителей, воевавших с Россией за свою независимость. Эти патриоты, по ее мнению, походили больше на ошалевших от крови и безнаказанности бандитов, но на это ей было наплевать. Самое главное, здесь были русские, ради их душ она жила, а еще ради денег, которые им щедро платили.

Тренировочный лагерь, где она проходила подготовку, находился на территории Молдавии. Сюда ее привезли сразу после вербовки. Здесь она постаралась забыть свое прежнее имя и здесь она познакомилась с Мартой, к которой ее определили в напарницы. Та практически ко всем людям относилась с чудовищным презрением, особенно к бывшим выходцам из республик Советского Союза. Исключение она не сделала и для напарницы, всячески старалась принизить ее перед инструкторами. Та, еще не имеющая нового имени, не поддавалась на ее провокации.

Распорядок дня был очень жестким. С утра до вечера проводились бесконечные тренировки и изматывающие тактические занятия. Наставления инструктора, который ежедневно твердил: «что главное при стрельбе? Чтобы вы сразу не растратили все патроны, чтобы имели в наличии запасные обоймы. Снайпер работает в команде по принципу: прикрываешь – стреляешь, а без вас винтовка ничто», навечно врезались в ее память.

Оказалось, что умение хорошо стрелять было не самым главным. Их учили ждать, а это давалось на удивление тяжело. В часы неподвижного ожидания они сливались с окружающей местностью и старались превращаться в камень, грязь или пыль.

Вскоре они с Мартой подружились – той все казалось, что новенькая похожа на ее погибшую сестру. Поэтому в выборе имени и биографии проблем не возникло и ее стали называть Ирмой. Марта окружила ее почти родительской опекой и охотно передавала свои знания и огромный профессиональный опыт.

Когда прозвучали первые выстрелы по цели, инстинкт Марты подал сигнал тревоги. Она поняла, что это ловушка, которая сейчас захлопнется. Подав сигнал Ирме, она стремительно покинула свою позицию и начала продуманно отступать. Через некоторое время ее догнала запыхавшаяся напарница.

– Что случилось?

– Тсс!

Марта приложила палец к ее губам и прислушалась. Впереди группа прикрытия вела бой, шум которого глушила скальная громада.

– Назад, – повелительно прошептала она, увлекая за собой Ирму.

– Ты что, дура? – также шепотом запричитала та. – Там же федералы!

– Поверь мне, как всегда. Там нас не ждут.

Они выскочили на правую тропу, ведущую в ущелье, и почти бегом начали длинный спуск. Сегодня Марта впервые ошиблась. Их ждали. Автоматные очереди ударили почти в упор, взметнув фонтанчики мокрой земли у их ног. Только звериная реакция Марты помогла им уйти из рук стрелявших. Она, падая, ушла влево от тропы и увлекла за собой Ирму. Ломая своими телами ветки деревьев, раздирая в кровь руки, они скатились в расщелину и скрылись от преследовавших их солдат.

Марта только сейчас осознала, что сегодня им не удастся уйти. Накануне, тщательно обследовав окрестности, она точно знала, что этот путь ведет в тупик на руины заброшенного и разрушенного войной завода. Этот русский капитан, который в последнее время вел на них охоту, сегодня переиграл ее и теперь планомерно загонял в угол. По всему было ясно, что они нужны живыми. Она жутко заскрипела зубами и чуть не завывала, как загнанная в ловушку волчица. Когда они остановились передохнуть, Ирма исподлобья взглянула на нее, но промолчала.

– Что ты на меня так смотришь? Думаешь, твой укор меня заденет? Ошибаешься!

– Это конец? – просто спросила Ирма.

– Давай быстро вперед! – неожиданно громко, с ноткой истеричности в голосе, закричала Марта.

Они выбежали к развалинам завода, которые были единственным местом укрытия. Далее простиралась огромная равнина с уходящей вдаль лентой дороги. Скользя за нагромождения бетонных блоков, они почувствовали себя хоть в какой-то безопасности. Слева приближался бой, но пробиться к девушкам смог только Салах. Он, словно змея, проскользнул между блоков и ввалился в их укрытие. Ирма всегда с опаской относилась к этому человеку. Он был единственный в группе местный житель – идейный борец за свободу и независимость. Руки у него были точно по локоть в крови. Она это знала и знала то, что он выполняет неординарные поручения местного командования, поэтому подставлять ему спину не решилась бы.

– Где остальные? – раздраженно спросила Марта.

– Все, – равнодушно ответил Салах и выразительно провел ладонью руки по горлу.

Марта оскалилась и смачно плюнула на бетонный пол.

– Что, страшно умирать? – засмеялся Салах, обнажив желтые зубы. – Не бойтесь! Воинам не пристало бояться, а не то Аллах обидится!

– Ты обращаешься не по адресу. Смерть мне не страшна, а свою жизнь я даром не отдам. Понял ты, абориген?

Марта резко передернула затвор винтовки и навела на его грудь.

Он испуганно попятился, вымученно улыбнулся и пролепетал:

– Ладно тебе. Мы же в одной команде и нам сейчас не стоит ссориться, и к тому же я пришел не пустой.

– Что?

– То, что ты просила, я выполнил. У меня теперь есть фотография этого русского капитана.

Он достал помятый снимок и протянул Марте. Та взяла его и, даже не взглянув, откинула в сторону. Тот, описав окружность в полете, приземлился рядом с Ирмой.

– На кой черт он мне теперь сдался? – зловеще прошептала Марта. – Я теперь к смерти готовлюсь.

Ирма много слышала об этом русском капитане, который являлся символом страха для таких наемников, как она. Умирать она не хотела, но твердо была уверена, что пощады им не будет. У нее появилось непреодолимое желание увидеть того, кто оказался хитрее ее напарницы. Подтянув снимок стволом винтовки поближе к ногам, она нагнулась и взяла его в руки. Безумный крик застыл в ее горле, и она мгновенно провалилась в бессознательное состояние, туда, где была жива мама, и туда, где умер он.

Ее сущность снова оказалась рядом с тем, кого она любила всей душой и кого ждала. Ждала до сих пор, но он к ней все не приходил и не приходил, а она жила, и жила наяву, как во сне, и на воле, как в плену.

Марта испуганно повернулась на крик и выпустила из поля зрения Салаха. Тот мгновенно воспользовался ситуацией и выбил из ее рук оружие. Выхватив из-за пояса пистолет, он приподнялся и закричал:

– Ну что, немецкая шлюха, подыхай, как собака...

Договорить он не успел. Голова его мгновенно превратилась в кровавое месиво, которое забрызгало Марту с головы до ног. Она, не обращая на это внимания, доползла до Ирмы, нащупала ее пульс и облегченно вздохнула, убедившись, что та жива. Марта начала приводить ее в чувство и когда напарница стала приходить в себя, выдернула из ее руки снимок. Небрежно взглянув на него, хотела выбросить, но увидела знакомые черты.

Волна дрожи прокатилась по телу, превратив ее твердое намерение сражаться до конца в пустой звук. Нашупав упавшую винтовку, она нашла щелку среди бетонных нагромождений и бросила нервный взгляд в окуляр оптики, стараясь увидеть того, кто снился ей в последние годы.

*Любовь часто отнимает разум у того, кто его имеет, и дает
тому, у кого его нет.*

Дидро

1

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, дожидаясь ее прихода, но она не пришла. Горящий окурок сигареты упал к его ногам и быстро погас. Повертев в руках букет разноцветных кленовых листьев, он с сожалением отбросил его в сторону. В полете тот рассыпался, и его листья начали медленно падать и кружиться.

«Вот и все», – подумал Сергей и быстрым шагом направился к выходу из парка. Его мучило только одно. Оля, им обожаемая Олечка, не пришла.

Поднялся холодный ветер. Слегка шумя и посвистывая в кронах деревьев, он как бы смеялся над Сергеем и швырял в него одинокие осенние листья, но тот не обращал на это внимания. Какое-то тяжелое предчувствие поселилось в душе, отчего тоскливо, очень тоскливо защемило сердце. Приняв решение не идти в клуб на танцы и нисколько об этом не сожалая, он вернулся домой.

Отец пьяный лежал на кровати и громко храпел. Мать еще не пришла с работы. Сегодня она работала в вечернюю смену и поэтому должна была вернуться поздно. Семейная жизнь родителей не ладилась. Некогда счастливые, теперь они скандалили каждый день. Сергей уже забыл те дни, когда в отношениях родителей царили радость и покой. В их жизни произошел переломный момент, а когда – он понять не мог. Почти весь досуг отца занимало пьянство, а мать устала бороться с вечно пьяным мужем, с бесконечным безденежьем. Она соглашалась на дополнительные смены на заводе, так что большую часть свободного времени проводила на работе. Больше всего на свете мать любила младшую дочь Ирину и практически перестала участвовать в контроле над жизнью сына, а про отца уже нечего было и говорить. Он был предоставлен сам себе.

Но несмотря ни на что Сергей оставался необычным парнем. Наружность его говорила о мягком благородном характере и в то же время серьезности, но иногда проскальзывала беспричинная жестокость, которая сглаживалась безграничным чувством юмора. Его шарм пленил многих девчонок, с которыми он по каким-либо причинам сталкивался. Ребята старались завести с ним дружеские отношения, хоть и зная его вспыльчивый характер, но уважая в нем любителя уличных потасовок. Школьная жизнь Сергея проходила по накатанной колее, без каких-либо потрясений. Учился он хорошо, хотя присутствовали различные грешки: пропуски, опоздания, а иногда и отсутствия на занятиях. В основном Сергей умудрялся все схватывать на лету. Все, что говорил или объяснял учитель, фотографически откладывалось в его памяти. Любая наука давалась ему без особого труда. Преподаватель иностранного языка заметила его природную склонность к иностранным языкам и всячески помогала развить эти способности. В свои годы он свободно мог общаться на немецком языке и с ходу переводил разговорную английскую речь. Ему хватало внимательно и бегло просмотреть текст, как он все понимал и запоминал. Если бы он постарался развить природные возможности и умение логически мыслить, то мог бы достигнуть многого в своей будущей жизни, но как раз будущее в рамках учебы его не интересовало. Он чувствовал, что не нашел возможности самоутвердиться в школе, и это его тяготило. У него сложилась собственная активная жизнь вне школы, и продолжали формироваться интересы, идущие вразрез со школьными интересами. Вероятно, на такую жизнь его толкало не только отрицательное отношение к учебе или же тот факт, что жизнь вне школы не требует систематических усилий и упорного труда, а имеет характер развлечений. Его школьное воспитание было трудной задачей для учителей, абсолютное большинство которых составляли женщины.

Самым любимым увлечением его было каратэ. Несколько лет назад, когда он и его родители жили в Ленинграде, он зашел в районный Дом культуры поинтересоваться секцией каратэ и, к своему удивлению, был принят. Тогда это был новый вид спорта в стране. Шли

бесконечные дискуссии о его пользе или вреде. Многие говорили, что каратэ воспитывает жестокость и это вредное влияние, которое нужно запретить.

Сергей с этими доводами был не согласен и считал, что этот вид спорта воспитывает в людях не только ловкость и умение наносить молниеносные удары, но и волю, искусство владеть собой. Он понимал, что из каратэ следует брать лишь самое лучшее, безжалостно отбрасывая то, что бесполезно и вредно, поэтому в уличных драках он старался не пользоваться приемами этой борьбы, а только применять блоки защиты.

За поселком, где-то вдали, у леса, заходило осеннее солнце, яркие лучи которого блекли, заливая небосвод красноватым светом. Создавалось впечатление, будто на него плеснули кровью. Мягкие курчавые облака, еле заметные в наступающих сумерках, двигались в сторону горизонта. Ветер замолчал. Стало очень тихо.

Оторвавшись взглядом от пейзажа за кухонным окном, Сергей прошел в комнату, удобно расположился на диване и закурил. Сильные, наполненные грустью, воспоминания нахлынули на него.

Он познакомился со своей любимой Олечкой прошлым летом. Это было в летнем лагере, когда все учащиеся проходили школьную трудовую практику, которая была похожа на легкие военные сборы. Несмотря на полувоенный распорядок жизни, выезды очень любили. Это была та часть романтики, которой многим не хватало. Это была частичка романтики и личной свободы, которой недоставало в обычной жизни. Здесь зарождались сокровенные желания, совершались первые самостоятельные решения и, конечно, появлялись юношеские проблески любви.

Насколько он помнил, для него решительный поворот в отношении к девочкам наступил в седьмом классе. Это было как гром среди ясного неба. Стены, разделявшие их, рухнули, и они увидели друг друга. Обязательный ритуал того времени – это прогулки в компании. Возвращаясь домой из школы, мальчики шли непременно впереди, обсуждая невероятно серьезные темы. Девочки обязательно тащились сзади, шептались и хихикали.

Чтобы подробнее вспомнить прошлое, Сергей достал потрепанный дневник, который по непонятной причине вел в тот период. Оказалось, он ничего не забыл, ничто не стерлось из его памяти. Даже показалось, что это происходило вчера.

«21 июня

Работал вместе с Олей. Впервые взглянул на нее другими глазами. Что-то у меня внутри перевернулось. Оковы, сковывавшие наши отношения, упали, и мы мысленно почувствовали друг друга.

22 июня

Вечером танцевал с ней.

Не понимаю, что происходит.

Касаясь ее тела, чувствую мелкую дрожь. Со мной никогда ничего подобного не происходило.

Сегодня отмечали годовщину Великой Отечественной войны. Все ходили на места бывших боев. Жгли костры. Я не мог отвести от нее взгляда. Она тоже украдкой бросала взгляд в мою сторону. Она мне решительно нравится. Глядя на языки пламени пылающего костра, я стал мечтать о подвигах, которые мог бы совершить для нее, если бы шла война. Война представляется мне романтикой, романтикой, которой не хватает для совершения чего-то Великого. Я, как и все мои друзья, жалею, что та война обошла нас стороной, что не оставила мне и моему поколению места для настоящего подвига.

23 июня

Она сама искала встречи со мной, но я испугался, испугался остаться с ней один на один. Сколько раз мы были вместе и только сегодня я испугался. Это какое-то наваждение. Все сильнее ощущаю разгорающийся огонь в груди. Сердце бешено колотится. Чувствую,

что не могу жить без нее, с одной стороны, а с другой, испытываю страх перед этой любовью.

Может, зря?

Ведь влюбляясь, человек идет на риск! Он может открыться, довериться другой половинке, а в ответ получить отказ, что особенно страшно. В следующий раз человек, переживший такое, откроется в своей любви лишь тогда, когда будет на все сто процентов уверен в ответных чувствах. Я ежедневно пребываю в тревоге за свое, но, скорее, больше всего за ответное чувство. Это меня сжигает изнутри и не дает покоя. Я хочу спросить ее: «О чем ты думаешь?» и боюсь не услышать в ответ: «Всегда и только о тебе».

Остатки дня провел в мучениях. 24 июня

День провел с друзьями. Они о чем-то болтали, договаривались, веселились, слушали музыку. Я воспринимал все это, как сквозь шумоизоляционную перегородку, гулом голосов и все. Создалось впечатление, что в уши натолкали ваты и я почти оглох. Однако же мне стало лучше. Друзья они и есть друзья, чтобы поддержать в трудную минуту. В их присутствии все заботы и печали отходят на второй план. Я даже и представить не могу своей жизни без друзей, так как они много для меня значат. Сердце немного успокоилось, но все валится из рук. Никогда не мог подумать, что это выражение так точно характеризует мое физическое и душевное состояние. Думаю постоянно о ней и о себе. Почему я боялся остаться с ней наедине? Почему я не решился заговорить с ней? Все это глупости, ничего я не боюсь, ведь я же сильнее, сильнее, чем сам о себе могу подумать и представить.

Теперь я понял, что с нетерпением жду завтрашнего дня, потому что увижу ее. Увижу свою Олечку. Смешно, но я уже называю ее своей. Своей Олечкой.

25 июня

Утром при встрече она мне улыбнулась. Я тоже улыбнулся ей в ответ. Опять мы работали вместе и вместе ощутили ту нить, нить взаимопонимания и тонкого чувства, которое перекинуло мостки между нами. Я уверен, твердо уверен, что ощутили мы это вместе.

Наконец-то мне хватило смелости и сил пригласить ее на свидание. День пролетел незаметно и наступил долгожданный вечер, вечер, которого я так бесконечно ждал. Наше первое свидание. Мир сузился настолько, что я практически перестал дышать. Первой мыслью было, что я задохнусь и погибну, но что-то произошло. Весь мир озарился ярким светом, и я понял, что держу ее за руку, а нас связывает чувство душевного единения. Мы долго бродили по проселочным дорогам, окраинам леса и безостановочно рассказывали друг другу о себе, о смысле жизни и о всяких пустяках, ведь было так интересно слушать друг друга. Ее голос завораживал, и меня разрывало от огромного желания. Я хотел остановить время для того, чтобы слушать ее вечно. Ведь я так долго ждал этого момента.

27 июня

Опять мы работали вместе. После работы гуляли. Пьянящее счастье вселилось в меня. Искрясь и озаряя все мое душевное состояние, оно заставляло меня чуть ли не подпрыгивать от переизбытка чувств, да таких чувств, что глаза наполнились влагой. Казалось, что они в любой момент взорвутся брызгами слез.

Сегодня я впервые робко обнял ее и не ощутил никакого сопротивления. Наши головы прижались друг к другу, и я ощутил аромат ее волос, который чуть не лишил меня сознания, безудержно вскружил голову. Нежно взяв ее голову в свои руки, я впервые и робко поцеловал ее. Она с искренней страстью ответила на мой поцелуй.

Это было настоящее сумасшествие. Сумасшествие, которое может ощутить только влюбленный человек, особенно влюбленный впервые.

Сегодня я признался ей в любви. Это такое счастье – любить.

Расставаться не хотели.

Даже не заметили, как наступила ночь.

Теперь я понял, что любовь – это одна из величайших страстей, на которые способен человек. Понять это чувство до конца, я думаю, невозможно, но это и не важно. Главная цель достигнута – я люблю и любим в ответ, а большего и не нужно. Это и есть неземное счастье.

Остаток ночи практически не спал, сопровождаемый чувством ноющей тоски. Никак не мог дожидаться утра.

30 июня

Время пролетает незаметно. Его ход не виден, но оно быстро меняет все вокруг. Только сегодня я узнал, что наше с Олей время проходит. Оно не оставляет нам практически никакого шанса. Оля с родителями собирается уезжать в Прибалтику. Ее отец, кадровый военный, получает новое распределение, и моя Оля, любимая Оля, уезжает сначала в отпуск с родителями на юг к морю, а потом в Прибалтику.

3 июля

При встрече Оля больше молчит и о чем-то постоянно думает. Мы оба понимаем, что это наша последняя встреча. Она почему-то грустно оправдывается, а сама чуть не плачет. Я никак не могу найти нужных слов, ну никак. Такое ощущение, что язык онемел и все настоящее кажется чем-то нереальным, происходящим не с нами. Завтра она уезжает. Целуя ее, я повторял, что еще не все потеряно, мы еще увидимся, обязательно увидимся. Есть же все-таки железнодорожное сообщение, почта. Мы все-таки живем в одной стране. Прощаясь, мы поклялись, что будем вечно любить друг друга, что бы ни случилось, какие бы преграды ни стояли между нами. Мне очень тяжело, но я стараюсь держаться, потому что я мужчина. Буду стараться не раскисать, а ждать встречи со своей любимой Олечкой.

5 июля

Только сейчас я осознал, что потерял. Неотвратимое щемящее чувство тоски заполнило все мое существование. Общение с друзьями не дает никакого результата, легче не становится, наоборот, никого не хочу видеть. Оставаясь в одиночестве, умираю от скуки. Переживаю. Мне иногда кажется, что если я расслаблюсь, то заплачу.

Разревуся, как девчонка.

Я ее очень люблю, и изо дня в день эта любовь становится все крепче и крепче.

Разумеется, влюбленные хотят быть всегда вместе. Если по каким-то причинам это невозможно, они постоянно пребывают в мыслях друг о друге. Вот и я, сам того не замечая, с постоянством, граничащим с одержимостью, завожу с друзьями бесконечные разговоры о предмете моей любви. В ответ они крутят пальцами у виска и смеются. Я твердо убежден, что меня никто не понимает, потому что только мне одному открылось истинное таинство любви.

Вероятно, я схожу с ума. 10 августа

К вечеру настроение ухудшилось. Медленные мелодичные ритмы модного трека всколыхнули мои чувства. Я вспомнил июньские дни и Олю. Мысленно я проанализировал наши отношения и свою любовь к ней. Обостренные печальные чувства нахлынули на меня, чувства упущенного времени и неясной тьмы».

Сергей захлопнул дневник и, задумавшись, откинулся на спинку дивана. Судьба тогда сжалилась над ними. Они остались вместе. Пока вместе. Назначение на новое место службы Олиного отца попридержали. Под напором родителей Оля перевелась в другую школу в соседний поселок. Они считали, что та школа сильнее, учителя там лучше, но самое главное, что рядом находилась детско-юношеская спортивная школа, которую посещала Оля.

Скрип открывающейся двери вывел Сергея из задумчивости. В комнату вошла его сестра Ира.

Ира была младше Сергея на два года. Она всегда с трепетом относилась к брату, ловила каждое его слово. Для нее он был непререкаемым авторитетом.

– Сережа, я тебя никак не пойму, какие у тебя отношения с Ольгой? Любишь ты ее или нет? – начала она с возмущением.

– Ира, ты ведь знаешь, что я не люблю разговаривать на эту тему, – спокойно ответил Сергей.

– А я люблю! – воскликнула она, улыбаясь, и в голосе ее прозвучала нотка насмешки, которой Сергей к счастью не уловил.

– Раз любишь, так иди... – со злостью начал он, но, не закончив, отвернулся и уставился злым невидящим взглядом в угол комнаты.

– Злюка, – ласково выдохнула Ира и вышла из комнаты.

Она знала, что сейчас с ним лучше не спорить.

Ее стройная фигура скрылась за дверью. Сергей повернулся и печально посмотрел ей вслед. Он понимал, что поступил неправильно, нагрубив сестре, но ничего поделать с собой не мог. Таков был его характер. А вообще-то он очень любил ее и старался защищать от всех неприятностей. Ира была такая нежная, красивая и ласковая, как пушистый маленький котенок.

Ему было не по себе. На душе скверно. Немного померив шагами комнату, он вернулся на кухню. Ира сидела на подоконнике, распустив длинные вьющиеся волосы, и задумчиво смотрела вдаль.

Последние лучи заходящего солнца, проходя сквозь мутное окно, создавали в ее прическе подобие мерцающего ореола. Она повернула голову и, увидев брата, жалобно улыбнулась. В ее взгляде было что-то такое, от чего Сергей смутился и громко вздохнул.

– Извини, – только и смог сказать он и, накинув куртку, вышел из квартиры.

Он не спеша шел сначала по дороге, которая упиралась в лес, а потом по лесу, там, где они часто гуляли с Олей. Ноги сами принесли его к огромному дубу, у которого они частенько проводили время. Дерево было чем-то вроде талисмана, оберегающего их чувства. И сегодня прикоснувшись к его теплому шероховатому стволу в том месте, где касалась ее рука, он ощутил ее незримое присутствие и всю красоту мироздания.

В сгущающихся сумерках эта пора осени была по-своему красива. Опавшие листья разноцветным ковром покрывали землю и при малейшем дуновении ветра шурша разлетались в разные стороны. Бесчисленное множество капелек дождя в последних проблесках солнца сливались в ослепительном блеске на верхушках пожухлой травы. Даже вывернутая и опрокинутая ветром корявая сосна вписывалась в эту картину чем-то загадочным и зачарованным.

Сергей еще долго мог бы любоваться природой, но наступившая темнота вывела его из оцепенения. Возвращался в поселок он уже другой, каменной дорогой через деревню, которая вплотную прижималась к пятиэтажным домам. Дорога была очень старая. Выложена она была еще в царские времена из небольших округлых камней, которые были идеально подогнаны друг к другу. Местами она провалилась под тяжестью грузовых автомобилей и тракторов, но еще пребывала в неплохом состоянии для своей почти вековой истории. В деревне жила его бабушка Катя. Недавно они сильно повздорили, и Сергей не стал заходить к ней, а только проходя мимо ее дома обратил внимание на поломанную изгородь из жердей и стожок потемневшего сена во дворе.

Домой он вернулся поздно, когда уже погасли уличные огни и лунный свет слегка рассеивал ночную тьму.

2

На диване лицом вниз лежала и тихо всхлипывала теперь уже бывшая одноклассница Сергея Оля Раудис. Та самая Оля, которую ждал Сергей. Ее большие мокрые от слез глаза были наполнены невыносимой тоской и душевной болью. От этого черты ее лица становились более утонченными. Отец обычно смягчался при виде ее слез и старался сделать все, чтобы она успокоилась. Он всегда с самого раннего детства защищал ее от всех напастей и невзгод в этой жизни, потому что очень любил ее и желал ей только самого наилучшего.

На этот раз слезы не сработали. Отец не желал ничего слышать.

– Никуда ты не пойдешь, – с жесткостью в голосе говорил он. – Я не разрешаю тебе встречаться с этим парнем! Даже не мечтай! Он не пара тебе! Я не хочу, чтобы ты так тесно с ним общалась. А сейчас собирайся. Поедешь обратно к бабушке и проведешь выходные там. Слегка поостынешь, а я тебя сам лично провожу на автобус!

Он закончил и повернулся к жене.

Мама, обычно во всем поддерживающая отца, тихо стояла в дверном проеме и молчала. Она слегка кивнула головой дочери, как бы понимая ее душевное состояние, и смущенно пожала плечами. Ольга от обиды и нахлынувших чувств не могла говорить, отвернулась и, стараясь скрыть свои слезы, тихо плакала.

Ее родители были очень семейными людьми, заботливыми и терпеливыми. Отец ее был офицером не по призванию, а от бога. Не оступивший от военной службы, он твердо разбирался во всех мужских вопросах и обладал исключительным чувством юмора. Руки у него были золотые. Если возникала необходимость что-то починить или построить, он был тут как тут. Сильный, серьезный, но при этом нежный и ласковый, он окружал свою дочь бесконечным вниманием. С мамой Оле тоже безгранично повезло. Настоящая хранительница семейного очага, она поддерживала свою дочь во всем и помогала ей. Оба супруга были статные, высокие и целеустремленные. Все, что они задумывали, у них непременно получалось. Частые переезды с одного места жительства на другое не делали их жизнь невыносимой.

Выходец из Прибалтики, Антанас Раудис был красивым мужчиной с настоящим римским профилем. Его семья имела древние литовские корни, чья родословная уходила в глубины столетий и имела отношение к роду вильнюсских придворных князей. Его отец после провозглашения советской власти категорически не принял ее и помогал «лесным братьям» в их освободительной борьбе против установленного строя, после чего был арестован и сгинул в сталинских лагерях. После большой мартовской депортации в 1949 году его семья была сослана в Сибирь. Главными целями этой депортации было «уничтожение кулачества как класса» и подавление вооруженного сопротивления советскому режиму. За несколько мартовских дней из Литвы были высланы почти тридцать две тысячи человек. Среди них был и он, еще совсем мальчишка. Поэтому всю свою жизнь он провел в России, которая стала для него второй родиной. Он быстро адаптировался к российской жизни. Их класс представлял собой интернациональный состав ребят из всех уголков советской страны. Антанас уверенно одолел сложности русского языка и мечтал встать в ряды защитников своей родины.

Уже гораздо позже, когда стал курсантом ленинградского военного училища, он пришел со своим курсом на уборку картофеля в поселок, где жила Ира Громова – его будущая жена. Та, учась в педагогическом институте, тоже была направлена вместе со своей группой на сельхозработы в свой родной совхоз. Там они и встретились. Знакомство их было случайным, но, как оказалось впоследствии, на всю жизнь. Вскоре он приехал к ней в отпуск, и они стали встречаться. Полюбив друг друга, поженились.

Оля чувствовала, что родители желают ей только добра, но никак не могла смириться с тем, что они хотят разлучить ее с Сережкой. Она металась в своих чувствах между родите-

лями и ним, но никак не могла решить, что ей нужно предпринять, чтобы не обидеть ни их, ни его. От безысходности в сложившейся ситуации подкатывало чувство тошноты и темнело в глазах.

Очнулась она только тогда, когда резкий порыв ветра швырнул в окно автобуса охапку сухих листьев и поднял тучу пыли на перекрестке дорог. Оля сидела на заднем сидении у окна и, не обращая внимания на проделки ветра, думала о Сергее. Автобус двигался по разбитой шоссейной дороге, которая вела в деревню к ее бабушке. Все ее мысли были заняты только им. От воспоминаний горячая волна поднималась в глубине сознания, бурлила кровь, и делалось нестерпимо жарко внизу живота. Его взгляд неотступно преследовал ее. Хотелось вернуться обратно, взглянуть в такие милые глаза и утонуть в них от безмерного счастья.

«Что же теперь делать? Милый Сережа будет ждать, а я не приду. Что же делать?» – думала она, но послушаться отца не могла.

Так она была воспитана.

Любовь ее с Сергеем была похожа на порывы ветра, под натиском которых трудно было устоять, и, однажды не устояв, они пустились по воле стихии, доверяясь природному зову и поочередно теряя рассудок. Она искренне верила, что любовь – это особый случай, потому что к человеку, которого любишь, любые правила становятся неприменимы. Он исключается из правил в буквальном смысле. Любовь, которую испытывал к ней Сережка, накрыла ее с головой, как высокая морская волна. Раньше девушка думала, что любовь бывает только у необычных людей, а оказалось, что она может прийти к любому и в любое время. Просто не все могут осознать, что это пришла именно она.

На очередном повороте автобус тряхнуло, и Оля крепче сжала ручку сидения, невольно взглянула в окно. Было видно, что пришла настоящая осень. Осень, которую она так любила. В это время года было хорошо наблюдать за постепенной переменой красок такой изменчивой погоды. Еще лучше созерцать осеннюю картину в яркий солнечный день. Только в это время по-настоящему обнажены все оттенки осени и отчетливо слышны звуки замирающей природы, которая уже готова перейти в зимнее сонное состояние. Но Оля больше любила пасмурные дождливые дни. Особенно хорошо в такой день сидеть у окна и наблюдать за водяными потоками, которые оставляли за собой струи дождя. В этом созерцательном состоянии все чувства обострились, а обрывки мыслей сами выстраивались в логическую цепочку. Дождик в такт этим мыслям выстукивал грустные или веселые ритмы. Все зависело от состояния души и настроения.

В школе, которую она оставила позади, и где сейчас учился Сергей, Оля была одной из первых красавиц. Она пришла туда учиться только в пятом классе. Как раз тогда ее отец получил новое распределение, и они в очередной раз переехали. Правда, в этот раз им повезло, и они оказались по соседству с единственной бабушкой, которая была искренне рада такому назначению. В школе Оля сразу произвела фурор. Ее огромные сияющие глаза и точеные руки с длинными пальцами, словно изваянные из белого мрамора, завораживали многих одноклассников. Она немало внимания обращала на свою внешность, а в жизни ценила самостоятельность. Оля по своему характеру была не из тех девушек, которые уступили бы другим. Во всей ее сущности чувствовались гордость и достоинство.

С самого детства она занималась в стрелковой секции детско-юношеской спортивной школы, готовящей кандидатов в мастера спорта и имела разряд по спортивной стрельбе. Неоднократно занимала призовые места на районных и областных соревнованиях. Тренер ее, добродушный Иван Николаевич, постоянно повторял, что у нее прирожденный талант и, что ее ждет прекрасное олимпийское будущее, если, конечно, она приложит еще больше усердия в своих тренировках и будет упорной.

Осознанный стойкий интерес к пулевой стрельбе у нее возник давно, когда отец ради смеха взял ее на охоту. Они вместе с матерью не ожидали столь бурной реакции с ее сто-

роны. Видя безумный блеск ее глаз при виде оружия, отец стал хлопотать об ее устройстве в секцию стрелков-пулевиков, и в виде исключения она досрочно была принята в группу начальной подготовки. Через некоторое время, после успешного выполнения контрольных нормативов по всем видам первого этапа подготовки стрелков-пулевиков, она досрочно была переведена в учебно-тренировочную группу. К настоящему времени она досрочно закончила второй этап стрелковой подготовки, уверенно освоив всю программу обучения и нормативы кандидата в мастера спорта. Она понимала, что возможности этой спортивной школы исчерпаны и для дальнейшего продвижения по спортивной лестнице ей нужно двигаться дальше, не останавливаясь на достигнутых результатах.

Ее отца в скором времени ждало новое назначение и перевод на службу в Прибалтику. В глубине души она чувствовала, что это может быть переломным моментом в ее жизни, ведь на новом месте находилась специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва, готовящая мастеров спорта. Это подталкивало задуматься о собственных перспективах, но огорчала разлука с Сережкой.

Бабушка была удивлена, что внучка вернулась. Ее припухшие от слез глаза говорили сами за себя. Оля ничего не утаила от нее, ведь она считала ее своей настоящей подружкой.

– Меня не понимают! – говорила Оля. – Вероятно, не любят.

– Олечка, ты даже не понимаешь, что живешь, осыпанная любовью! Во взрослой жизни не будет у тебя столько любви, как сейчас! И никогда не будут тебе прощать так часто и много, а ты только и делаешь, что обижаешься. А тебе ведь запрещают делать глупости! Запомни это, внученька.

– Бабушка, но Сережка не глупости! Понимаешь, я его люблю!

Бабушка вздохнула и, улыбнувшись, спросила:

– А он красивый?

– Конечно, бабуля! Ты его просто не видела.

– Счастливая ты. Я верю, что у тебя будет все хорошо.

Оля улыбнулась сквозь слезы, крепко обняла бабушку и пылко прошептала ей в самое ухо:

– Ты у меня самая лучшая подружка!

– Да?

– Естественно! А знаешь, для чего нужна подружка?

– Ну?

– Если у тебя что-то случилось, ты пойдешь к ней. Она не вылечит, не даст денег, может, даже ничего не посоветует, но она выслушает и станет легче. Спасибо тебе!

– Ох, горе ты мое! Кушать будешь?

– Спасибо, бабуля, сейчас не хочу.

Оля замолчала и тихо проскользнула в свою комнату. Она, не включая в комнате свет, легла на кровать и прижала к груди большого желтого медвежонка. Этого мягкого медвежонка, сделанного в Германии, подарили ей родители, когда ей исполнилось восемь лет. В то время она сильно болела. Болезнь протекала тяжело, а эта игрушка принесла ей облегчение и особенную радость. Так совпало, что болезнь вскоре отступила, а медвежонка она стала считать своим талисманом, защищающим ее от всех невзгод и напастей. Она искренне верила, что игрушка исцелит ее неуверенное состояние. Стоит только полежать с медвежонком в темноте и прошептать ему на ухо свои проблемы, и все встанет на свои места, так, как это всегда происходило в детстве.

Постепенно успокаиваясь, она подумала о недавно прочитанном романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», который ей принесла мамина подруга. Напечатан он был на машинке и поразил ее глубиной раскрытых чувств. Тетя Нина говорила, что роман был переведен на русский еще в начале шестидесятых годов. Затем, как обычно, включился «меха-

низм торможения» и до сих пор текст ходит по стране в таком виде. Она сказала, что еще существует киноверсия книги с одноименным названием. Несколько копий фильма, имевшиеся в СССР, крутились главным образом на закрытых просмотрах для большого начальства. Но ей повезло, что одну копию изредка прокручивали в московском кинотеатре «Иллюзион» и ей удалось чудом попасть на этот киносеанс. Билеты пришлось тогда покупать у спекулянтов за сумасшедшие деньги.

Оля даже не знала, была ли автор книги американкой или англичанкой, но слова главной героини Скарлетт как никогда кстати всплыли в ее памяти:

«Я подумаю обо всем этом завтра. Ведь завтра будет другой день»

3

– Итак, кто мне расскажет пять признаков империализма? – задала вопрос учитель истории Вера Ивановна и окинула взглядом класс.

Под ее гипнотическим взглядом класс затих и лихорадочно зашелестел страницами учебников, инстинктивно втягивая головы в плечи. Она была старейшим и строгим учителем истории в школе. Ее боялись ученики и даже ходили слухи, что побаивались другие учителя. Она состояла в Коммунистической партии Советского Союза и была преданным носителем ее идеологии, ее устоев, за что получила прозвище «железная леди». Суровая на вид, она быстро смягчалась, когда ученик блистал своим интеллектом, дискутируя о мировых проблемах продвижения идеи социализма. Ее легко было пленить своими познаниями марксистско-ленинской философии и научного коммунизма.

– Так, я поняла, желающих не найдется? – снова спросила она и, выразительно поведя пальцем по журналу, добавила: – Воронцов, прошу.

Слова были обращены к Сергею, но он не поднимался, поглощенный своими мыслями. Вера Ивановна буравила его взглядом и начинала раздражаться. Положение спасла одноклассница Людмила Неволина, которая сидела с ним за одной партой. Она резко толкнула его локтем и зловеще прошептала:

– Признаки.

Сергей недоумевающим взглядом посмотрел на Людмилу и, медленно начиная осознавать реальность, встал.

– Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни... Слияние банковского капитала с промышленностью и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии, – чеканил он, но был прерван Верой Ивановной:

– Молодец, садись. Продолжит Кузнецова!

Сергей сел и, упершись руками в подбородок, снова устремил взгляд в пустоту. Людмила в упор смотрела на него и откровенно недоумевала, пораженная его мастерством в заучивании такой скучной темы, а он не обращал на это никакого внимания, глубоко ушел в свои размышления. В этом состоянии его застала перемена, но он еще некоторое время не решался пошевелиться.

К нему решительно подошел его друг Вадим и с улыбкой на лице начал его тормошить.

– Серега, не спи, замерзнешь, – закричал Вадим ему в ухо. – Пойдем, покурим, и не забудь, ты мне кое-что обещал.

– Что я тебе обещал? – вяло откликнулся Сергей

– Пошли-пошли, ты обещал мне сделать фотографии. Я уже купил фотобумагу, фиксаж, проявитель, как ты говорил, и фотопленка у меня с собой.

– Да-да, конечно, все, что обещал, исполню, – заверил его Сергей. – Пошли, дружище, покурим.

Они поспешили на улицу и, завернув за угол школы, спустились под навес подвала. Это было их любимое укромное место. Удивительно, но сейчас там никого из завсегдатаев этой нелегальной курилки не было. Курение считалось вопиющим нарушением школьного распорядка. Периодически администрация школы проводила рейды по вылавливанию злых нарушителей, но это только подзадоривало курильщиков. В простом стремлении подыграть появлялась нотка интриги. Страх, наглость и ощущение, что ты прикоснулся к чему-то запретному, вырабатывали адреналин, который будоражил кровь. Это был настоящий ритуал, как трубка мира у индейцев.

Вадик достал пачку сигарет «Друг». Ловким щелчком большого пальца он выбил из нее сигарету и протянул Сергею. Прежде чем прикурить, Сергей как всегда поднес ее к носу и вдохнул сладковатый аромат. Этот момент нравился ему с детства. Когда-то давным-давно он вытащил из пачки, которая лежала у отца в кармане пиджака, точно такую же сигарету, долго нюхал ее и открыл для себя ароматный своеобразный запах. Потом, конечно, прикурил. Ему тогда очень не понравилось. Он долго откашливался, отплевывался и его слегка тошнило. Но запах сигареты запомнился навсегда, удивляя тем, как вкусно они пахнут и как противны, когда их куришь.

Это было тогда, а сейчас он курил, с удовольствием вдыхая теплый и обжигающий табачный дым, однако привычка нюхать сигареты осталась. Ему всегда хотелось понять, почему процесс курения дает ощущение собственной шикарности, но не мог найти ответ на этот вопрос. Вероятно, что курение сигарет ассоциировалось с переходом во взрослость, а в шестнадцать лет ничего так сильно не хочется, как того, чтобы тебя считали взрослым.

Урок алгебры отменили из-за болезни учителя и заменили классным часом, который вела Ирина Владимировна. Это очень обрадовало опоздавших друзей. Ирина Владимировна принялась, поморщилась и погрозила им пальцем, но ничего не сказала. Она была назначена их классным руководителем совсем недавно.

Являясь молодым специалистом, она знала много интересного, увлекательного и умела заинтересовать учеников своими знаниями. Это у нее получалось ненавязчиво и спокойно. Ее завораживающий голос и выбивающиеся из копны золотистых вьющихся волос юношеские завитки поднимали настроение даже самых нерадивых учеников. Класс восторженно воспринимал лекции на отвлеченные темы. Для учащихся, особенно учащихся старших классов, это было новшеством. Практически никто из учителей в школе не отклонялся от заданной учебной программы. Знания и железная дисциплина стояли во главе, остальное считалось вольнодумством. Ирина Владимировна, являясь человеком эрудированным и начитанным, ломала все стереотипы, которые насаждались существующей системой обучения.

– Итак, мои дорогие, – начала она, – на повестке дня нашего незапланированного часа организация предстоящего ноябрьского праздника. Нашему выпускному классу предоставлена честь возглавить праздничную колонну демонстрантов.

Вздых всеобщего разочарования прокатился эхом по классу. Ирина Владимировна, сделав небольшую паузу, спросила, словно уловила настроение своих учеников:

– Я не понимаю, в чем причина вашего разочарования?

– А зачем нам это нужно? Для чего мы каждый год мерзнем и таскаем с собой эти транспаранты? Какой смысл во всем этом? – набравшись храбрости, спросил главный двоечник класса Витька Козлов и с деланным безразличием уставился в потолок. Он понимал, что вопрос был провокационным, но учительница не подумала смутиться.

– Я вижу, вы еще не повзрослели, – произнесла она. – Как выразился Витя, это не таскание всяких агитационных атрибутов, не бесполезное хождение строем. Это выражение нашего уважения тем людям, которые отдали жизнь за наше светлое будущее, за создание советской власти. Ведь только советская власть дала нам множество прав и свобод. Благодаря этой власти вы учитесь бесплатно в красивой, современной школе. Вы вольны в выборе вашей будущей профессии и всей будущей жизни. Значит, и в наш всеобщий майский праздник Великой Победы вы думаете, что мы бесполезно таскаем...

Договорить она не успела. Тишину взорвал эмоциональный шум голосов учеников, а Сергей задумался.

В шестом классе их пионерская дружина была признана лучшей в школе. На классном пионерском собрании шумно выбирали кандидатов для предстоящих праздников. Ему и двум одноклассникам было доверено 9 мая стоять в почетном карауле с красным знаменем

на мемориале павших воинов. Он был знаменосцем. Это было и страшно, и увлекательно. Сжимая древко красного знамени, он был переполнен невиданными прежде чувствами. Гордость, ощущение соприкосновения и слияния с чем-то великим переполняли детскую душу. Тогда он даже сумел устоять под порывами ветра, дергавшего знамя и пытавшегося вырвать древко у него из рук.

– Ирина Владимировна, мы понимаем, что это дань уважения, – голос Алексея Дерябина, главного классного идеолога, отогнал воспоминания с Сергея. – Но я думаю, что все это наигранное и ненастоящее. Нас все время упрекают, что мы бы на месте своих предков не смогли бы совершить ничего героического. Я считаю, что это не так. Просто нам не дана историей эта возможность и поэтому наш удел – только чествовать героев.

В классе воцарилось вопросительное молчание. Учительница, окинув серьезным взглядом всех своих учеников, сказала:

– Я поняла, что все присутствующие в какой-то мере согласны с мнением Алексея?

– Да. История не дала нам шанса, – подтвердил Дерябин после одобрительных кивков одноклассников.

– Значит, вы еще не до конца поняли свое предназначение, – после непродолжительной паузы продолжила Ирина Владимировна. – Не история делает человека, а человек делает историю. В данную минуту вы уже создаете историю своими поступками. Героические поступки не обязательно совершать во время войны. Им есть место и в мирной жизни. Самое главное – решить, что вы сможете сделать в экстремальной ситуации, как поведете себя, когда надо будет принимать решение и сможет ли каждый из вас пойти на самопожертвование. Жизненные ситуации бывают разными и каждый из нас, включая меня, совершит свой поступок, пусть даже не героический, но который оставит след в истории. Оценивать свои силы надо уже сейчас, чтобы принять единственно правильное решение в сложившейся ситуации, какой бы она ни была. Мысль и воля людей творят будущее. Оно всегда создается сегодня. В истории человечества есть множество примеров.

Например, у Чингисхана была жена по имени Есуган, которую он очень любил за ум и красоту. Есуган очень печалилась о беде, постигшей ее родных и близких, весь татарский народ. Грозный хан не забыл, что татары умертвили его отца, и приказал уничтожить их всех. Кого убили на поле боя, кого прикончили, взяв в плен. Не оставили в живых ни женщин, ни стариков. Убивали даже детей, меряя их по тележной чеке. Кто выше, тому смерть, а кто ниже, рабство. Мало кто уцелел. Есуган задумала спасти от неминуемой смерти хотя бы свою сестру Есуй. Однажды она сказала мужу:

– Есть у меня сестра красавица. Достояна она тебя больше, чем я.

Чингисхан усмехнулся и спросил жену:

– В самом ли деле так, уступишь ей свое место?

– Уступлю, – ответила Есуган.

Чингисхан приказал отыскать Есуй во что бы то ни стало, а когда ее нашли и доставили к хану, он убедился в справедливости слов Есуган: ее сестра была удивительной красавицей. Чингисхан сделал ее своей женой.

– А что стало с Есуган? – произвольно вырвалось у Людмилы, прервав этим учительницу.

Некоторые ее одноклассники недовольно поморщились, а Ирина Владимировна повернулась лицом к окну и, всматриваясь в осеннюю даль, о чем-то задумалась.

– История об этом умалчивает, – произнесла она через некоторое время. – Здесь важна не история, а сам поступок, то, чем пожертвовала Есуган для спасения своей сестры. И вопрос в том, смогли бы вы совершить что-либо подобное для своих близких или родных?!

Эти слова каким-то образом подействовали на учеников. Они затихли, каждый обдумывал сказанное учительницей. Сергей сам удивился тому, что не знал ответа на этот вопрос.

Он считал, что может совершить любой героический поступок, но конкретно поставленный вопрос ставил его в тупик. Сможет ли он пожертвовать собой ради своих близких и друзей? Он вдруг отчетливо осознал, что колеблется с ответом, а это означало только одно. Он не готов к самопожертвованию. Значит, он слабак. Осознание своей слабости испортило ему настроение, но еще больше расстроила выходка Вальки Яскевича, который сидел позади Сергея и Людмилы. Он от нечего делать развинтил свою авторучку, достал стержень с пастой, которую выдул на промокашку. После этого похлопал Людмилу по плечу и, когда та повернулась к нему, прихлопнул промокашку к ее щеке, размазал густую пасту. Та от неожиданности отпрянула, а потом, поняв в чем дело, густо покраснела и от обиды чуть не заплакала. Ирина Владимировна от такой выходки Яскевича растерялась, а потом, взяв себя в руки, подбежала к Неволвиной.

– Люда, не трогай, а то еще больше размажешь! – крикнула она и испепеляющим взглядом посмотрела на Яскевича. – Пошли в кабинет химии! У Татьяны Ивановны все смоем, ты только не переживай!

Как только они вышли из класса, девчонки накинулись на Вальку. Ему бы пришлось очень плохо, но он поспешил вырваться и убежать.

– Мальчишки, ну почему вы всегда стараетесь все испортить! – запричитала разгневанная подруга Люды Рита Ванина, которая была комсоргом в их классе.

Она была возмущена до глубины души. Дружили Рита с Людой с детского сада и поэтому всегда защищали друг друга. Они всегда были неразлучны, а расставались только на время для сна. Все смеялись за их спинами, болтали о том, что и муж у них будет один на двоих. Рита была миловидной на вид девушкой. Парни ловили ее взгляды, но она не обращала на них никакого внимания. Она всегда вела себя так, что с ней трудно было завести близкое знакомство. Встречала тех, кому понравится, ледяной холодностью и, конечно, сознательно не замечала знаков внимания. Такие девушки потом искренне горюют, почему ими никто не интересуется и в большинстве своем остаются в полном одиночестве. Сейчас ямочка на ее подбородке нервно дергалась. Было видно, что она лихорадочно продумывает план мщения.

Сергей сразу вспомнил, как он и его друзья несколько лет назад играли с подругами в прятки в заброшенном доме. Ради смеха они прислонили к двери в комнату толстую доску, чтобы та упала на входящего. Так и получилось. На кого упала доска, они не узнали. Девчонки обиделись, но ничего им тогда не сказали, а просто взяли и отомстили. Это у них получилось отменно. Однажды они проследили за ребятами, которые забрались в подвал амбулатории и закрыли за ними дверь, навесив на нее огромный амбарный замок. Где девочки его достали, история умалчивает, но ребята просидели в подвале почти целый день, пока медицинские работники не вызвали милицию, обеспокоенные возней в подвале – подумали, что туда проникли воры. Прибывшие милиционеры спилили замок и вытащили мальчишек на свет божий. Естественно, оповестили родителей.

Сергей улыбнулся, явно представив последствия того инцидента и, повернувшись лицом к классу, громко сказал:

– Ребята, извините этого засранца! Я со своей стороны обещаю, что наставлю Вальку на путь истинный, и он, вот увидите, попросит прощения!

Все молча закивали головами. Рита как-то сразу обмякла. Было видно, что слова Сергея сняли ее злость, и она вдруг сразу успокоилась. При этом девушка как-то странно посмотрела на него и их взгляды встретились. Это неожиданно смутило их обоих. Рита, внезапно покраснев, зажмурила глаза. Сергей резко развернулся, но через некоторое время интуитивно почувствовал ее взгляд на своей спине. Было время, когда она нравилась ему, но это было очень давно и тогда, кстати, он так и не добился взаимопонимания. Тогда он встретил

насмешку и презрение, хотя поступков, которые могли вызвать ее холодное отношение, он не совершал.

В класс вернулась Ирина Владимировна и сказала:

– Ну что, все перебесились? Больше хулиганских выходов не будет? Тогда возвращаемся к повестке дня. Кстати, как-то мы от нее уклонились!

Учительница долго говорила. Кто-то ее о чем-то спрашивал, но Сергей уже не слушал. Ему это было неинтересно. В далеком пионерском детстве все это было неизведанным и поэтому увлекательным. Интересно было стоять у памятника, гордо удерживая школьное знамя, и, заикаясь от волнения, в должности звеньевое докладывать председателю пионерского отряда о проделанной работе, при этом осознавая каждой клеточкой мозга, какая ответственность на него возложена. Также волнительно было готовиться к вступлению в ряды ВЛКСМ, заучивая наизусть Устав и переживая, что можно нечаянно что-нибудь забыть. Все это было тогда, а теперь он в это не верил. Произошла глобальная перемена в сознании. Почему и когда, он сам не заметил. Возможно, он повзрослел и поэтому стал сознательно осмысливать события, происходящие в своей стране, а может, просто наступил переходный возраст, период отрицания. Он прочитал много книг и на книгах, можно сказать, вырос, но его всегда волновал один-единственный вопрос. Почему в них так много лжи? Или ему это кажется? На этот вопрос он никак не мог найти ответа, хотя на деле-то книги открывали ему удивительный и прекрасный мир, из которого порой не хотелось возвращаться.

Покинув мир размышлений и мечтаний, он вернулся в мир реальный и как раз вовремя. Время, отведенное для классного часа, истекло, а учительница напоминала:

– Ребята, не забудьте, что в это воскресенье в три ночи переводим часы на час назад. В нашей стране вводится зимнее время.

Все снова загалдели, обсуждая наболевший вопрос. В этом году впервые было введено летнее время. Переход на летнее время осуществлялся в последнее воскресенье марта. Стрелки переводились на час вперед. Сергей лично большой пользы от этого перевода стрелок не видел. Польза, по его мнению, заключалась только в экономии электроэнергии, но и то непонятно зачем. Здесь решили экономить, а днем частенько горело уличное освещение, и на это никто не обращал внимания.

– Ребята, успокойтесь! Раз так решили, значит, в этом предприятии есть смысл...

Договорить она не успела, прозвенел звонок. Она без слов отпустила ребят, и они не спеша двинулись из класса. Предстояло еще два урока, но Сергея сей факт не расстраивал. Он уже жил той минутой, когда прибудет домой и к нему придут его друзья. Сегодня они обещали принести записи итальянских исполнителей – победителей на фестивале в Сан-Ремо.

4

Время летело незаметно, но сердце Сергея не успокаивалось. Почему Оля ни разу не попыталась встретиться с ним? Сергей каждый день ходил вокруг ее дома, но зайти боялся. Вот и сегодня он постоял у подъезда, но так и не осмелился сделать последний шаг. Он снова и снова бродил по закоулкам своего поселка.

Поселок городского типа находился на слиянии крупных дорог и раскинулся на обширной территории. За несколько лет поселок разросся в разные стороны. Политика правительства касательно слияния города с деревней давала свои результаты. Жилой фонд строился быстро, опережая численность населения. В данный момент любой прибывающий на работу специалист, даже не имеющий семьи, имел возможность сразу получить квартиру. Здесь же располагались детский сад, средняя школа и среднее профессионально-техническое училище, где обучали специалистов для сельского хозяйства. Училище имело дурную репутацию, так как сюда приезжали те, кто не мог продолжить свое дальнейшее среднее образование в силу каких-либо причин. Это были в основном двоечники и хулиганы. В народе их прозвали «академиками».

Недалеко от поселка в лесу раскинулось большое красивое озеро. Вода в нем была удивительно насыщенного цвета из-за залегающих на дне синих кембрийских глин. Озеро охватывало своими изгибами и протоками большую часть леса.

За озером на возвышенности, с которой открывался изумительный вид, находилась заброшенная церковь. Церковь была полуразрушенная, но величественная, сияющая какой-то потусторонней красотой. Год за годом стояла она, открытая всем дождям и ветрам, которые постепенно разрушали ее стены. Рядом находилось также заброшенное и почти полностью разрушенное господское имение. В огромном парке этого имения раскинулся курганный некрополь, состоявший из трехсот насыпей, большая часть которых была разрыта местными кладоискателями. Могильные курганы были расположены в определенном порядке. В народе говорили, что эти славянские захоронения свидетельствовали о том, что здесь в древние времена проходил великий торговый путь с Поморья вдоль берегов балтийских губерний по Волхову и Ильменю. Сергей с друзьями однажды тоже переболел манией кладоискательства, но ничего приличного, кроме сломанной и насквозь проржавевшей рукоятки меча, они не нашли.

Еще немного померив шагами улицы поселка, Сергей подошел к училищу, чтобы встретить своего лучшего друга Валерку Михайлова, который здесь обучался на монтера по ремонту электрооборудования.

– Серега, привет! – закричал Валерка, как только увидел его в вестибюле училища.

Валерка, имевший прозвище «хиппарь», был лет семнадцати, с черными, зачесанными назад волосами, густыми, сросшимися бровями и голубыми глазами. Он был красив и строен, сам хорошо знал, что очень красив, но любил, когда ему напоминали об этом. Он привык всегда быть в центре внимания. Сочетание черных волос и голубых глаз придавало Валерке особое обаяние, и даже в моменты злобы, которые часто у него случались, окружающие не могли не заметить смеющихся, чуть-чуть блестящих глаз, выдававших его душевную натуру. Сейчас он был модно и опрятно одет. Крепкие, накачанные для борьбы руки держали сумку с изображением модной группы «Смоки».

Сергея с ним связывала давняя крепкая дружба. Особенно их роднила любовь к популярной музыке, которую они могли фанатично, без конца слушать, восхищаясь разнообразием аранжировок.

Вкус государственной фирмы «Мелодия», монополиста грамзаписи, все чаще не совпадал или совпадал непоправимо поздно с новинками музыки. Интерес к року и танце-

вальной музыке обеспечивал работой неофициальные студии звукозаписи. В стране сложилась система нелегальной продажи музыкальных магнитоальбомов. Пленочная звукозапись практически победила пластинки, но достать альбомы иностранных исполнителей было очень тяжело. «Железный занавес», который отделял СССР от культуры всего мира, ставил препоны меломанам. Но отчасти в этом и была «изюминка» трудного времени – собирать по крупицам записи популярных исполнителей. Ребята где-то перезаписывали их у друзей, которые сами записывали у знакомых, а те, в свою очередь, с первоисточника у моряков дальнего плавания, с виниловых пластинок, которые в больших количествах закупались в портовых городах всего мира. Катушечная пленка в коробке с наклеенной фотографией исполнителя стоила безумно дорого, поэтому записывали и с государственного радио, на котором изредка появлялись популярные мелодии в таких программах, как «Ваш магнитофон», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Чаще всего они слушали музыкальные, ориентированные на русскоязычную аудиторию иностранные радиостанции, которые нещадно глушились нашими военными, но практически это для них не становилось помехой. Они даже ухитрялись сквозь высокочастотные шумы записывать треки с обычного лампового радиоприемника, предварительно загрязняя магнитную головку катушечного магнитофона. От этого запись получалась глухая, но высокочастотный шум исчезал.

– Валера, привет, – ответил Сергей и, протягивая тому руку, спросил: – Что делаем сегодня?

– Как что? – удивился Валера. – Идем на тренировку. Спортивный зал в Доме культуры сегодня свободен.

– Ты что, – сморщившись, промолвил Сергей. – Сегодня у меня не спортивное настроение. Хочется както расслабиться.

– Понятно, – сообразил Валерка и, сотворив страшную гримасу, захохотал и мгновенно исчез.

Через несколько минут он появился уже одетый и готовый к действиям.

В магазине как всегда толпилась очередь в ожидании хлеба, который, как обычно, привозили с опозданием. Хлеба обычно не хватало. Из-за дешевизны им кормили домашнюю скотину, поэтому народ терпеливо дожидался его привоза, и ему было без разницы, сколько времени придется потерять. В толпе обсуждались последние поселковые новости, рождались слухи и сплетни, критиковалась политика партии и правительства. Как всегда, здесь можно было услышать много интересного, но сегодня друзей это не интересовало. Они купили три бутылки крепленого вина «Белый аист» и направились к своему старому приятелю Юрке Николаеву.

Юрка жил на окраине поселка, где стояли десятки каменных бараков, каждый из которых был рассчитан на четыре семьи. У каждой семьи был отдельный вход в дом. Обитателями этих домов были неблагонадежные, пьющие семьи, которых переселили сюда из Ленинграда перед Олимпиадой 80. Все тогда недоумевали, почему их переселяли из Ленинграда, раз Олимпиада проходила в Москве. Городские чиновники, вероятно, под шумок решили избавить город от неугодных им людей, как они считали, от пьяного сброда. Этот район считался самым неблагополучным в поселке и очень сильно портил милицейскую статистику. Местный участковый милиционер побаивался по вечерам даже соваться сюда. Сергею с Валеркой здесь нравилось. Здесь была своя аура, которая расслабляла и позволяла делать все, что душе угодно. Настоящая вольница, освобожденная от идеологических учений и нравственных ценностей. Здесь они изредка уходили в отрыв, отпускали разум на волю.

Юркины родители тоже друзьям нравились. Они любили здорово выпить, были раскрепощенные, смешные и безобидные.

Сам Юрка был невысокого роста, с длинными волосами, которые называл патлами, и модными черными усами. Как он любил утверждать, такие усы носит солист группы «Супермакс». Он до безумия любил носить брюки клеш и кримпленовые рубашки навыпуск, как музыканты популярных рок-групп. Окончив восемь классов, он пошел учиться в СПТУ в Ленинграде по профессии автослесарь с правами шофера. С самого раннего детства он любил возиться с различными механизмами и агрегатами. В наследство от старшего брата, который уехал работать на БАМ, ему достался одноцилиндровый мотоцикл «Иж-Планета» мощностью тринадцать лошадиных сил, который он обещал восстановить к следующему лету. Мотоцикл вызывал восхищение у его друзей. Это же был идеал их времени, когда парень за рулем мотоцикла, а сзади должна сидеть девушка и обязательно с длинными распущенными волосами, которые развеваются на ветру. Жил он в общежитии, но на выходные приезжал к родителям. Друзей у него в поселке было мало, и он всегда был рад приходу Сергея с Валеркой.

– Здорово, меломаны! – поприветствовал он.

– Здорово, Юрок! – закричали они и сразу стали доставать бутылки с вином из сумки, с громким стуком расставляя их на столе.

– Вот это кстати! – подхватил их настроение Юрка. – Все будет по высшему разряду! Предков дома пока нет.

Счастливые, они расположились в комнате за столом, а Юрка бегал из комнаты на кухню и обратно, накрывая стол. Закуска была скудная, но ребят это несколько не смущало. Все они жили и питались примерно одинаково. Никакими изысками их жизнь не баловала, поэтому они воспринимали это как должное и обыденное. Валерка вызвался быть разливающим и сразу налил каждому по целому стакану вина. Юрка, недолго думая, провозгласил тост:

– Давайте помянем советских моряков!

Друзья переглянулись, но зная оригинальность хода Юркиной мысли, кивнули головами, ожидая продолжения. Тот не заставил себя ждать.

– Сегодня годовщина гибели линкора «Новороссийск». В ночь на 29 октября 1955 года в Севастопольской бухте в результате подрыва предположительно немецкой донной мины он затонул. Вместе с ним погибли шестьсот семь человек. Представляете?

– Юрок, откуда ты это знаешь? – спросил удивленный Сергей.

– У меня дед был военным моряком. Жалко, что его с нами нет. Он бы нам мог многое рассказать.

– Тогда за моряков! – сказал Валерка и, встав с дивана, не чокаясь, выпил стакан до дна. Ребята последовали его примеру.

Хмель быстро разошелся по организму и ударил в голову. Как всегда, завязался разговор, но продлился он недолго. Домой вернулся Юркин отец. Он работал трактористом в совхозе. На работе его ценили как специалиста, но иногда у него были срывы, и он уходил в запой. Он считал себя настоящим советским патриотом и то, что было связано с фашизмом, он ненавидел. Юрка как-то говорил, что отец был в партизанском отряде малолетним связным, но ребята ему не верили. Сам Юркин отец об этом никогда не рассказывал, а ребята стеснялись спросить.

– Ну что, сынки, плеснете папе стаканчик? – начал он, скидывая с ног сапоги. – А не то скоро мать придет и разгонит вас, сопляков!

Юрка быстро притащил пустой стакан, а Валерка налил вина. Когда они выпили, Юркин отец крякнул, не закусив, повернулся к Сергею и сказал:

– А с твоим отцом я винца попил! Он у нас отличный специалист. Любую деталь на токарном станке выточит. Голова!

– Я знаю, – ответил Сергей.

– Ни черта вы не знаете! Только и умеете свою музыку гонять, а настоящие мужики дело делают. Я ведь на экскаваторе работал в Ленинграде в строительном тресте, но так сложилось, что теперь работаю здесь! А что сейчас в Польше происходит, вы хоть в курсе?

– Забастовки происходят, – неуверенно ответил Юрка.

– Чему вас только учат! В Польше сейчас возникла угроза для социалистического строя!

– Пап, ладно тебе. Ты же знаешь, что мы политикой не увлекаемся, – хотел деликатно приостановить отца Юрка, но этим еще больше распалил его.

– Они не увлекаются! А кто воевать пойдет? Я или мать? К чему призывает независимая польская профсоюзная организация «Солидарность»?

Ребята переглянулись и одновременно пожали плечами.

– Вот видите, не знаете! Призывают они народы Восточной Европы к борьбе за свободу. Сейчас для нашего правительства это первоочередная задача и задача не меньшая, чем Афганистан. Еще этого упырька американского в марте не добились! Что за стрелки хреновые пошли!

– Вы про американского президента говорите? – спросил Сергей.

Он помнил, что прошлой весной было сообщение – произошло покушение на Рейгана. В него было выпущено шесть пуль. Первая пуля попала в голову пресс-секретаря Белого дома. Вторая – в спину полицейского. Третья пролетела мимо президента и попала в окно дома напротив. Четвертая пуля ранила агента секретной службы. Пятая попала в бронестекло открытой двери президентского автомобиля, а последняя от ricochetнула от ее корпуса и попала в грудь Рейгана, зацепив ребро и застряв в легком.

– Ну а про кого еще? Теперь он устроит...

Договорить он не успел. Дома появилась Юркина мать и сразу с порога начала их материть. У нее это получалось так складно, что ребята только хихикали. Отец Юрки был спокоен и невозмутим до тех пор, пока она не применила запрещенный прием, прокричав грозное оскорбление:

– Крестоносец!

– Что? – взвился Юркин отец и начал подниматься со стула.

Это слово всегда выводило его из себя. Он ассоциировал его с фашистами. Мать Юрки завизжала и бросилась на кухню. Он последовал за ней, размахивая сжатыми кулаками и жутко скрипя зубами.

Ребята, чтобы не быть участниками семейного скандала, быстро прихватили остатки вина, оделись и выбежали на улицу. Юрка провел их на чердак по крутой и ветхой лестнице, которая находилась с торца дома. Он называл чердак своей летней резиденцией. Здесь была свалена куча старых вещей и мебели. Русский народ всегда считался запасливым и старался сберечь старые вещи для особого случая – то ли это будет война, то ли стихийное бедствие. Вот и лежала эта куча хлама, разрастаясь из года в год, благо, чердак был огромным. Хотя на улице было холодно, ребята с комфортом расположились в старых креслах за круглым столом и продолжили свой банкет.

– А помните, когда Юрка впервые появился в школе? – начал Сергей. – Тогда директор чуть не выпал в осадок от его вида!

– Да, было дело! – поддакнул Юрка.

– Вся школа на ушах стояла! – вспомнил Валерка. – Появился такой крутой чувак – метровый клеш, длиннющие волосы и темные очки. Словно заезжая эстрадная звезда.

– Да брось ты, к нам заезжают только звезды из социалистических стран и все! – разочарованно произнес Сергей.

– Там тоже есть крутые группы из ГДР и Венгрии. Мне нравятся, – добавил Юрка и вернулся к прежней теме. – Тогда меня физрук наш заломал с трудовиком, хотели волосы обрезать. Еле отбился, но клещи все-таки порезали, гады!

Ребята засмеялись и начали вспоминать различные курьезы из своей жизни. Потом, как всегда, поговорили о музыке, политике и, конечно, о девчонках. Так за разговорами они и не заметили, как допили вино. Пришлось собираться, чтобы искать добавки. Изрядно захмелевшие, они вывалились с чердака и, шатаясь, направились в центр, по дороге распугивая случайных прохожих.

У магазина шумела толпа народа. Рядом стояла милицейская машина. Как всегда, гвоздем программы был старикан Ваня по прозвищу «Хай». Прозвище свое он получил из-за привычки выкрикивать нацистское приветствие «Хайль Гитлер». Ребята подозревали, что его настоящей фамилии никто уже и не знал. Родственников и друзей у него не было, а жил он один. Сейчас им был организован очередной стихийный митинг в обычной им любимой цирковой манере по поводу недавнего подорожания водки. Как всегда, сидя в центре грязной лужи, которая недавно была ямой, которую плохо засыпали коммунальщики, он скандировал:

– Это же надо, советскому труженику удружили. Наша любимая русская водочка теперь стоит пять тридцать! Куда партия смотрит! Нет на вас Гитлера!

Эти слова он бросал милиционерам, которые старались подобраться к нему и выудить его из лужи. Он, предчувствуя их маневр, погрузился в нее еще глубже и начал обкидывать себя грязью. Милиционеры брезгливо отступали, не желая пачкать своих мундиров, а он продолжал митинговать, довольный, что ему уделяют внимание, и говорил уже стихами:

– Даже если будет восемь, водку все равно не бросим!

Передайте Ильичу, нам и десять по плечу!

Но а если будет больше, значит, сделаем, как в Польше!

Но а если двадцать пять, снова Зимний будем брать!

Ребята, уже наперед зная, чем это все кончится, проскользнули в магазин и взяли еще вина. После этого они решили перебраться в парк и там наткнулись на компанию Василия Груня, которая расположилась на поляне у горящего костра. Василий был легендарной личностью и пользовался авторитетом у местных ребят постарше. Он даже успел отсидеть небольшой срок в колонии для несовершеннолетних за хулиганство, за это его все боялись. Ходили слухи, что он даже водил дружбу с местными воровскими авторитетами. Легендарная воровская романтика притягивала многих поселковых ребят в компанию Груня. Он пел им под гитару песни о тюремной доле и про геройские подвиги воровского братства, а те чуть не плача мечтали приобщиться к романтической жизни. Сергея существующее положение бесило. Он знал, что воровская романтика – наследие сталинской эпохи. Тогда вся страна была пронизана сетью лагерей. В то время кто не сидел, тот или был выслан, или находился под следствием и подозрением. Сергей на эту тему мог много говорить и спорить. Он прочитал много литературы, но в ней ничего конкретного сказано не было, только упоминалось вскользь о культе личности Сталина. Сергей пришел к собственному выводу насчет событий того периода истории страны. Массовые репрессии, предательства и недоверие друг к другу было не что иное, как доктрина немецкой разведки, чтобы ослабить советскую страну перед войной. Сделать из страны единое преступное сообщество, которое само себя съест. Он был уверен, что все это идет с тех времен. Воровская романтика – обман, а в тюрьме человек человеку волк и не так в ней хорошо, как воспевается в дворовых песнях.

– Здорово, комсомольцы! – поприветствовал их Грунь и хитро улыбнулся.

Он был маленького роста, совершенно лыс и одет в аккуратный черный пиджак. Глаза его полыхали дьявольским огнем.

– Здорово преступным элементам! – отпарировал Юрка и собрался пройти мимо, но его остановил Жорик, который был настоящим и верным цепным псом Груня.

– Тебе что, наши песни не нравятся?

– Нормальные мужики сейчас поют песни об Афганистане, о ребятах, которые там гибнут! – вставил Сергей, сознательно идя на конфликт.

Обычно он старался не конфликтовать, но сейчас вино сделало свое дело.

– Так-так! – поднимаясь, сказал Грунь, обращаясь к Сергею. – Так может, ты нам споешь о своих героях? Я слышал, ты неплохо это умеешь делать, мудила!

Сергей краем глаза увидел, что Грунь опускает правую руку в карман куртки, по-прежнему улыбаясь, и ответил:

– Кому-кому, но только не тебе, гнида!

Сергей знал, что в кармане тот носит или кастет, или нож. Поэтому опережая его, нанес ему правой рукой рубящий удар в область сонной артерии, надолго выключая.левой рукой он осторожно перехватил из рук падающего тела гитару и осторожно прислонил ее к дереву. Сергей всегда с нежностью и трепетом относился к любимым музыкальным инструментам, особенно к гитаре. Его манипуляции с гитарой словно загипнотизировали остальных участников этой сцены. Они, не отрывая взгляда, смотрели на прислоненную к дереву гитару, словно она прилетела из космоса. Как выстрел из ружья, прозвучал голос Сергея, снимая наваждение у всех присутствующих:

– Пацаны, расходимся мирно. Конфликты нам не нужны!

Жора инстинктивно выпустил Юркину руку и недоуменно смотрел на неподвижное тело Груня. Друзья осторожно, готовые к схватке, прошли мимо костра и вскоре скрылись среди деревьев.

– Ну, Серый, ты даешь. Одним ударом вырубил целую компанию! – восхитился Валерка, а Юрка добавил:

– Подозрительно это. Может, ты шаман? Уже не первый раз замечаю, что у тебя есть дар. Ты словно гипнотизируешь жертву и не одну!

– Да ладно вам. Тоже скажете. Я просто колдун! – закричал Сергей, поднимая зловеще руки.

Ребята захохотали, а Валерка под шумок открыл бутылку вина, отхлебнул из нее, протянул друзьям и виновато промолвил:

– Извините, но я, по-моему, потерял стаканы.

– Ну и черт с ними! – закричал Юрка, и они стали пить вино прямо из бутылки.

Вино еще сильнее опьянило. Они веселились, бесились и творили всякую ерунду целый вечер. Последнее, что помнил Сергей, это то, что они пили в комнате общежития Валеркиного СПТУ до тех пор, пока сохранялось осознание реальности происходящего, а потом словно выключили свет, и он провалился в кромешную темноту.

5

Утро не принесло облегчения. Голова раскалывалась от боли и гудела, как бронзовый колокол. Сергей оторвал голову от подушки и окинул взглядом комнату, которая ходила из стороны в сторону. Комната оказалась его родной комнатой, что приятно удивило.

«Сколько же мы вчера выпили», – подумал он и, тряхнув головой, чуть не застонал от боли. К горлу подступила тошнота. Почти на ощупь, так как глаза издевательски не хотели открываться, он добрался до ванной комнаты. Прохладный душ принес неслыханное облегчение.

Он подумал, что алкоголь воздействует на психику целой кучей различных факторов. Он обрушивается на органы, в том числе и мозг. Сигналы из участка мозга, который управляет движениями человека, попадают к местам назначения искаженными, а степень их искажения зависит от количества выпитого. В результате чего язык начинает заплетаться, в глазах двоится и троится. Ходить прямо не получается, а руки трясутся. Но этого недостаточно и мозги переключиваются, а они, как известно, отвечают за здравый смысл, который вчера пострадал основательно.

Сергей вернулся в свою комнату и открыл окно, чтобы выветрить остатки густого перегара после вчерашнего выпитого спиртного. Прохладный воздух ворвался в помещение, зашелестев глянцевыми плакатами популярных музыкальных групп, которые занимали большую часть стен в его комнате. На улице еще было немногочленно, только вдалеке за баней у ларька с разливным пивом толпился народ в ожидании прихода продавщицы.

Внизу под окном, на обочине дороги сидел пес и дрожал под порывами осеннего ветра. Сергей ощущал себя таким же беспомощным и жалким, как этот пес. Чтобы хоть как-то поднять настроение, он стал перебирать виниловые пластинки, раздумывая, какую из них поставить. Он всегда с благоговейным трепетом относился к своей коллекции пластинок и радиоаппаратуре. Вот и сегодня он осторожно достал пластинку из конверта и, протерев мягкой тряпицей, установил на вертушку. За этим занятием его и застала вошедшая в комнату мать.

– Как себя чувствуешь, сынок? – спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Тебе самому не стыдно? Ты же еще школьник, а пьешь, как мужик, или решил брать пример со своего отца?

– Мам, хватит, – прервал ее нравоучения Сергей, чувствуя, что это может затянуться надолго. – Мне и так нехорошо. Пообещать не могу, что это в последний раз, но искренне раскаиваюсь.

Мать тяжело вздохнула и продолжила:

– Нелегко нам сейчас, Сережа, я уже даже и не знаю, что говорить. Себя в пример поставить не могу, но мы с отцом стараемся. На работе нас ценят. В свободное от работы время мы можем делать, что сами считаем нужным, а ты и Ирина еще не стали самостоятельными, поэтому должны придерживаться хоть какого-то порядка. В основном это относится к тебе. Самое главное – надо обязательно закончить школу. Без этого сейчас никак. Я боюсь, что с твоим поведением ты ее можешь не закончить.

Сергей изумленно посмотрел на мать. Он не ожидал от нее такой деликатности. Она обычно срывалась и кричала, но сегодня все было иначе.

– Отец тоже волнуется за твою будущую жизнь, – продолжала она. – Твои поступки его беспокоят. Он просто у нас молчун. Все носит в себе, копит весь негатив, а потом выплескивает свои эмоции, ругаясь со мной. Ты уже взрослый, а я даже не заметила, когда ты им стал. Ты изменился. Стал более жестоким, а раньше был добрее.

Она закончила и, снова не дожидаясь ответа, вышла из комнаты. Слушать музыку Сергей расхотел и аккуратно положил пластинку на прежнее место. Ему было жалко мать, но чем ей помочь, он не знал. Он вышел из комнаты и бесцельно побродил по квартире.

Квартира его родителей была обычной трехкомнатной в панельном доме. Обстановка тоже была обычной, как и у большинства жителей этого поселка. Местный мебельный комбинат не баловал людей разнообразием своей продукции, хотя ходили слухи, что ассортимент его намного шире, но не для простых рабочих людей. Зная такое положение дел, все недоумевали и молчали, только на кухнях ораторствовали и кричали, доказывая с пеной у рта, как прогнила советская власть и куда она катится.

В большой комнате Сергей включил телевизор. По центральному каналу шла музыкальная передача «Утренняя почта». Она его сегодня раздражала, но альтернативы не было, по второму, Ленинградскому, каналу шла очередная литературная ерунда.

Ира появилась в комнате незаметно. Вид ее был сонный.

– Привет, – пролепетала она и прошмыгнула на кухню, из которой потянуло вкусным запахом жарящихся на подсолнечном масле блинов.

В желудке у Сергея екнуло. Появилось далекое чувство голода, и он тоже двинулся на кухню. Ел он тихо, хотя из разговора матери с Ирой понял, что отец, как ушел за пивом, так и не вернулся, а ему, Сергею, нужно помочь сестре подтянуть алгебру, так как у нее в понедельник контрольная работа. Сергей молча согласился, чем они плотно и занялись после завтрака. Занятие их было прервано появлением отца. Он опять вернулся изрядно выпивши и молча завалился спать под истеричные причитания матери. Ира от этих криков съежилась и прижалась к Сергею. Он ее обнял, и они в наступившей тишине сидели так очень долго, каждый в своих мыслях.

Время пролетело незаметно. Раздался дверной звонок. Дверь открыла мать и через некоторое время крикнула:

– Сергей, к тебе.

Сергей извинился перед сестрой и, выйдя в прихожую, нос к носу столкнулся с Валькой Яскевичем. Тот, недолго думая, сразу взял его в оборот, прошипев в ухо:

– Давай собирайся.

– Куда и с какой стати? – спросил ошеломленный Сергей.

– Куда, куда, – продолжил шепотом, но так же напористо Валя. – Ко мне домой. Все ребята собрались. Решили тряхнуть стариной.

– Извини, сегодня особого желания не испытываю, да и настроение не то.

– Видите ли, у него настроения нет, – уже громким голосом возмутился друг. – Кто тебя будет спрашивать. Давай быстро собирайся, а не то ребята обидятся. Во-первых, у меня новые записи, а во-вторых, для тебя сюрприз. Какой, не скажу, даже не спрашивай.

Заинтригованный Сергей недолго думая собрался, и через несколько минут они были на улице. По улице он шел молча, а Валя все болтал и болтал, пока они не очутились у него дома. Квартира была его собственная и собственная по-настоящему. До недавнего времени здесь жила больная тетка отца. Родители подсуетились и успели прописать его на эту жилплощадь. Тетка умерла, а он стал полноправным хозяином в этой квартире. Ребята часто собирались здесь, чтобы неторопливо и без упреков взрослых проводить свободное время.

– Привет, жив еще курилка, – поприветствовал его Валерка Михайлов крепким рукопожатием и выразительно подмигнул, напоминая тем о вчерашних событиях.

– Жив, жив! Сразу предупреждаю, что мне не интересны вчерашние приключения! Для меня все в прошлом!

Валерка разочарованно согласился с пожеланием друга, а через несколько секунд прихожая наполнилась остальными друзьями, которые выражали свой восторг насчет прихода Сергея.

– Спокойствие, – воскликнул тот и первым проскользнул в комнату.

За ним последовали остальные. Валька, как и обещал, восторженно сообщил:

– Друзья, народ устал от англоязычного стиля диско. Я открываю для вас итальянскую эстраду.

Он небрежно достал магнитофонную бобину из коробки и установил ее на катушечный магнитофон. Зарядив ленту в лентопротяжный механизм, он щелкнул тумблером, и комнату наполнила танцевальная музыка с необычайно ясным и красивым произношением слов.

– Где достал? – возбудился Валерка.

– Двоюродный брат из Москвы привез! Чуешь, какой кайф? – заорал Валька и толкнул Валерку.

Тот завистливо зацокал.

– Круто! – подхватил Сергей. – Дашь переписать?

– Без проблем!

Сергей ревностно следил за новинками музыки и поэтому не пропустил фестиваль, прошедший в феврале этого года в итальянском городе Сан-Ремо. Этот фестиваль на побережье Лигурийского моря затмил «Сопот» на берегу Балтийского и «Золотой Орфей» на берегу Черного. В стране грянул бум на итальянскую эстраду.

Слегка пригубив сухого вина, ребята слушали музыку и непринужденно болтали.

Сергей подошел к Игорю Смирнову, который обнимал свою подружку Ларису. Игорь проучился с Сергеем восемь лет. Школьные годы сблизили их, но после восьмого класса он ушел учеником слесаря в механические мастерские. Теперь он был представителем рабочего класса, а самое главное – самостоятельно зарабатывал деньги. Сергея он поражал своим искренним отношением к Ларисе, которая отвечала ему тем же. Совсем недавно необщительная, неуверенная в себе, она встретила Игоря, и они полюбили друг друга. Под его воздействием она преобразилась. На удивление всем, из нее получилась модная и красивая девушка.

– Как дела, ребята? – спросил Сергей после некоторого молчания.

– У нас все тип-топ. Только пришлось несколько дней поболеть, но теперь все нормально.

Валька включил медленную композицию. Чарующая лирическая мелодия разлилась по квартире. Лариса встрепелась и, взяв Сергея за руку, спросила:

– Игорь, ты не будешь возражать, если мы потанцуем? – и, не дожидаясь ответа, подхватила и слегка обняла Сергея.

– Сережа, ты классный парень, но сам часто противоречишь себе, – начала она разговор серьезным тоном. – Ты бы мог сделать много хорошего. Ведь у тебя же такой авторитет.

– При чем здесь авторитет? О чем ты?

– Я о твоём характере!

– Если о характере, то что я могу тебе сказать. Пробовал я взглянуть на себя со стороны и проанализировать свои положительные качества. Ничего не получилось. Сразу невольно начинаешь подсчитывать, что сделал хорошего, а перечислять свои добрые дела не очень-то скромно.

– А ты больше думай о том, что для тебя другие люди сделали.

– Если честно сказать, я никогда не задумывался над тем, что сделали для меня другие люди. Я принимал и принимаю их заботу, как должное, как что-то повседневное, обычное.

– А я себе это так представляю: на свете живет много людей, и между ними протянуты хрупкие цепочки доброты. Для того чтобы эта цепочка не прервалась, нужно просто помочь другому человеку хоть чем-то самым малым. Далее он поможет другому человеку. Это как эстафета доброты.

– Лара, да ты философ. Если говорить прямо, я не ожидал такого от тебя, – искренне удивился Сергей. – Если продолжать эту тему дальше, то ты в чем-то права. Помогать людям надо, но помогать деликатно, чтобы не получилась эта услуга «медвежьей услугой», ведь не для каждого жизненного случая есть рецепт.

– И все равно постараться оказать помощь обязательно нужно. Раньше я мало читала, ничем особенно не интересовалась. Старший брат привозил мне интересные книги и привил любовь к чтению. Все это он делал просто из желания мне помочь.

– Значит... – начал Сергей и прервался под воздействием взмахов руками, которые изображал Валя.

Он явно на что-то или на кого-то указывал. Сергей повернул голову и обомлел.

Скромно прислонившись к стене, в комнате стояла Оля. Она была одета в ловко подогнанные джинсы, оранжевую кофточку и голубой шерстяной свитер.

– Ну, Валек, – погрозил кулаком Сергей. – Вот значит, какой сюрприз!

Замерев от навалившегося чувства неудержимой радости, он извинился перед Ларисой, нетерпеливо отвел ее к Игорю и подошел к Оле. Она улыбнулась и молча протянула ему руку. Ее глаза смотрели робко и виновато. Сергей вздохнул и, внимательно посмотрев на Олю, тоже потянулся к ней. От соприкосновения рук они невольно вздрогнули, словно ощутили, что между ними проскочил электрический разряд, принес приятное ощущение и легкую дрожь, оставил обжигающий жар в теле. За эти дни Оля несколько не изменилась. От нее исходило все то же очарование, прежним был простой взгляд и приятная улыбка. Они долго молчали и жадно смотрели друг на друга, словно не могли прервать это молчаливое общение.

Первым нарушил молчание Сергей и вздрагивающим голосом спросил:

– Олечка, неужели это ты. Когда ты приехала? Я тебя так долго ждал.

Оля, тоже стараясь скрыть волнение, ответила, словно оправдываясь:

– Сегодня. Ты извини меня, Сережечка, но так уж получилось, что я тогда не пришла и не сообщила тебе...

– Молчи, – ласково прошептал Сергей, нежно прикрыв ладонью ее рот. – Главное, что сейчас ты здесь со мной, и мы вместе. Остальное не важно.

Они еще долго болтали, а потом, взявшись за руки, подошли к друзьям, которые затеяли оживленную беседу.

Возглавлял дискуссию Славка Назаров, который из всех сил старался быть предводителем и организатором всех идей и начинаний. Будучи слегка полноватым, он по этому поводу несколько не комплексовал, а всегда считал себя идеалом и эталоном красоты. Завышенная самооценка сильно мешала ему, но он был упрям и самоуверен. Увидев отколовшуюся парочку в своей компании, он воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.